

1. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / пер. с англ. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.
2. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // Information, communication & society. 2012. Vol. 15. №. 5. P. 739-768.
3. Вейк К. Смыслопроизводство в организациях / пер. с англ.: П. К. Власова, А. В. Коченгина; науч. ред. П. К. Власов. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. 320 с.
4. Prochaska S. et al. Misleading ourselves: how disinformation manipulates sensemaking // arXiv preprint. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2410.14858> (дата обращения: 09.10.2020).
5. Törnberg P., Chueri J. When do parties lie? Misinformation and radical-right populism across 26 countries // The International Journal of Press/Politics. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/19401612241311886> (дата обращения: 09.10.2020).
6. Humprecht E. et al. Advancing the study of political misinformation across countries and platforms—introduction to the special issue // The International Journal of Press/Politics. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/19401612251327530> (дата обращения: 09.10.2020).

КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Д. С. Красковская

*Белорусский государственный университет,
Ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Беларусь
8069748@mail.ru*

В статье рассматривается феномен коммуникации в социальных сетях как ключевой вызов для современного общества. Анализируется трансформация коммуникативных моделей под влиянием цифровых платформ, приводящая к изменению характера социальных связей, формирования идентичности и публичной сферы. Выявляются основные негативные последствия, такие как фрагментация общественного дискурса, эрозия эмпатии, распространение инфодемии и цифровое неравенство. Делается вывод о двойственной природе социальных сетей, которые, с одной стороны, расширяют возможности для связи и самовыражения, а с другой —

порождают системные риски для социальной сплоченности и психологического благополучия индивидов.

Ключевые слова: социальные сети, цифровая коммуникация, общественный дискурс, информационное общество, клиповость, инфодемия, цифровая идентичность, социум, киберагрессия

Современный социум находится в состоянии перманентной трансформации, детерминированной стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Социальные сети (Facebook, X (Twitter), Instagram, VK, Telegram и др.) превратились из инструмента поддержания связей в глобальную коммуникативную среду, переопределяющую базовые социальные практики. Они формируют новую публичную сферу, виртуальное пространство, где конструируются мнения, формируются социальные движения и происходит политическая мобилизация.

Однако эта новая среда порождает ряд системных вызовов. Коммуникация в социальных сетях, характеризующаяся мгновенностью, клиповостью, алогичностью и зачастую анонимностью, вступает в противоречие с традиционными моделями рационально-критического дискурса. Это создает почву для манипуляции общественным сознанием, поляризации общества и девальвации доверия как к институциональным, так и к межличностным отношениям. Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа коммуникации в социальных сетях как многогранного вызова, требующего адекватного ответа со стороны общества, образования и государства.

Первое на что нужно обратить внимание — это трансформация коммуникативных моделей и социальных связей. Классическая модель межличностной коммуникации, основанная на непосредственном контакте и богатом невербальном контексте, в социальных сетях замещается опосредованной, текстоцентричной и редукционистской моделью.

Согласно теории М. Грановеттера, социальные сети эффективно поддерживают «слабые связи» (weak ties), обеспечивая доступ к разнородной информации. Однако это приводит к ослаблению «сильных связей» (strong ties), основанных на глубокой эмоциональной вовлеченности и доверии. Коммуникация становится более широкой, но менее глубокой, что может способствовать росту чувства одиночества и социальной изоляции индивида в физическом мире [1].

При этом социальные сети становятся площадкой для конструирования «цифрового Я». Пользователь представляет не свою целостную личность, а тщательно отобранный и отредактированный образ (self-branding). Это приводит к разрыву между реальной и виртуальной идентичностью, порождая феномен «цифровой шизофрении» и усиливая тревожность, связанную с поддержанием идеализированного имиджа.

Второе — это вызовы публичному дискурсу и демократическим процессам. Публичная сфера, по Ю.Хабермасу, — это пространство рациональной дискуссии, ведущей к формированию общественного мнения. Социальные сети радикально изменили эту среду [2].

Алгоритмы платформ, настроенные на удержание внимания пользователя, создают «пузыри фильтров» (filter bubbles), показывая контент, который соответствует уже сложившимся убеждениям [3]. В сочетании с «эхо-камерами» (echo chambers) - замкнутыми сообществами единомышленников — это приводит к усилению политической и идеологической поляризации. Исчезает почва для конструктивного диалога и поиска компромисса.

Социальные сети дают жизнь новым формам коллективного действия. Яркие примеры — #MeToo, Black Lives Matter. Их характеризуют горизонтальная структура, отсутствие четкого центра лидерства и мобилизация вокруг общего символа или хэштега. Однако их устойчивость часто оказывается низкой, так как поддержка основана на слабых связях и эмоциональном импульсе, а не на прочной идеологической или организационной основе.

Также отметим, что скорость распространения информации в социальных сетях многократно превышает скорость ее верификации. Это создает благоприятные условия для «инфодемии» — быстрого распространения как недостоверной информации (дезинформации), так и намеренно ложной (фейков). В эпоху «пост-правды» объективные факты становятся менее значимыми, чем эмоции и личные убеждения, что подрывает основы рационального управления и научного познания [4].

Социальные сети не отменяют социальное неравенство, а воспроизводят его в новых формах. Если «цифровой разрыв первого уровня» — это неравенство в доступе к технологиям, то «разрыв второго уровня» — это неравенство в навыках (digital skills) и способности использовать онлайн-среду для наращивания социального и культурного капитала. Социальные сети становятся новым полем для социальной конкуренции.

Формируется «цифровой репутационный капитал», который может конвертироваться в экономические и социальные блага. Это создает новую ось стратификации, где инфлюенсеры и медийные личности обладают значительным символическим капиталом, недоступным для обычного пользователя.

Если говорить о психологических и этических последствиях, то здесь специфика онлайн-коммуникации оказывает глубокое влияние на психическое здоровье и этические нормы.

Опосредованное общение снижает способность к эмпатии, так как пользователь не видит непосредственной эмоциональной реакции собеседника. Это, наряду с чувством анонимности и безнаказанности, провоцирует всплеск киберагрессии, троллинга и хейтерства. Вербальная агрессия становится распространенным инструментом ведения дискуссии.

Постоянный поток новостей и обновлений порождает у пользователя страх что-то упустить, приводя к хроническому стрессу, тревожности и необходимости быть «всегда на связи», что сегодня носит название «Феномен FOMO (Fear Of Missing Out)». Информационная перегрузка истощает когнитивные ресурсы, снижая способность к критическому мышлению и глубокой рефлексии.

Делая вывод, нужно отметить, что коммуникация в социальных сетях представляет собой комплексный вызов для современного социума, затрагивающий его социальную, политическую и психологическую основы. С одной стороны, она демократизировала доступ к информации и предоставила голос ранее маргинализированным группам. С другой - она способствовала фрагментации общественного дискурса, обострению социальных конфликтов и росту психологического неблагополучия.

Ответ на этот вызов требует консолидированных усилий. Со стороны образовательных институтов необходима разработка и внедрение программ по развитию цифровой и медиаграмотности, направленных на формирование критического мышления и навыков безопасной коммуникации. Со стороны законодателей — создание гибких правовых рамок, обеспечивающих баланс между свободой слова и защитой от дезинформации и киберагрессии. Наконец, со стороны самих платформ - повышение прозрачности алгоритмов и внедрение этических принципов дизайна, ориентированных на благополучие пользователя, а не только на его вовлеченность.

Будущее социальной сплоченности и демократических институтов в значительной степени зависит от того, насколько успешно общество сможет

адаптироваться к новой коммуникативной реальности, минимизировав ее риски и максимизировав потенциал.

Библиографические ссылки

1. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 50–68.
2. Хабермас Ю. Структурное преобразование публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. - М.: «Весь Мир», 2016. - 344 с.
3. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. - Penguin Press, 2011. - 294 p.
4. Sunstein C.R. #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. - Princeton University Press, 2017. - 336 p.
5. Viner K. How technology disrupted the truth // The Guardian. 2016. 12 July.

NEW MEDIA OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AS A PLATFORM FOR PROMOTING SOFT POWER

Li Jie

*Yanka Kupala State University of Grodno
Ozheshko str., 22, 230023, Grodno, Belarus
gavrilik_on@grsu.by*

Scientific supervisor: A. Haurylik, docent of the department of political science and sociology; PhD (sociology), associate professor.

The article is devoted to the use of new media of the People's Republic of China as a platform for promoting soft power. An analysis of works on this topic is presented. Conclusions have been drawn that China's new media has become an indispensable strategic asset for enhancing national soft power. Through the integrated pathways of cultural translation, image reconstruction, strategic enablement, and precision communication, it systematically strengthens China's international discourse power, cultural attractiveness, and policy persuasiveness.

Keywords: *communication, diplomacy, new media, soft power.*

In the contemporary era characterized by deep integration of globalization and digitalization, the paradigm of national soft power competition has undergone profound transformation. It has shifted from traditional cultural diplomacy and educational exchanges to a contest for narrative power and discursive influence,